

С. Глаголев

**Очерки по истории религий.
Часть 1**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
С11

С11 **С. Глаголев**
Очерки по истории религий. Часть 1 / С. Глаголев – М.: Книга по Требованию,
2021. – 281 с.

ISBN 978-5-458-55947-8

ISBN 978-5-458-55947-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

между собою изъ за того, чтобы что-либо имѣло на землѣ тотъ или другой исходъ. Такъ, человѣческая мысль всегда признавала рядомъ съ міромъ видимымъ бытіе міра невидимаго. Этотъ невидимый міръ рисовался въ болѣе или менѣе заманчивыхъ краскахъ (а порою и въ отталкивающихъ, при описаніи ужасовъ ада и злыхъ божествъ). Для изображенія его обыкновенно пользовались сравненіями съ самыми зыбучими и неустойчивыми элементами видимаго міра — воздухомъ, облаками, тѣнями, луннымъ сіяніемъ и солнечнымъ свѣтомъ и однако за нимъ признавали несравненно большую реальность и устойчивость, чѣмъ за тѣмъ міромъ, въ которомъ жили сами. Невидимый идеальный міръ противопоставляли видимому, реальному, какъ бытіе — быванію, какъ дѣйствительность — грезѣ, какъ вещь — подобію. Религіозная мысль древняго міра не умѣла пользоваться понятіями—вѣчность, неизмѣнность строя бытія, абсолютное, она замѣняла ихъ понятіями очень большой продолжительности, громаднаго могущества, широкаго произвола. Зевсъ имѣлъ начало, но это начало отходило въ далекое прошлое; онъ не былъ всемогущимъ, онъ встрѣчалъ и оппозицію своимъ начинаніямъ и ему порою до бессонницы приходилось раздумывать надъ тѣмъ, какъ осуществлять свои предпріятія. Но онъ былъ очень могуществененъ. Когда Аполлонъ предложилъ богамъ состязаніе въ томъ, кто стрѣльнетъ далѣе, Зевсъ принялъ вызовъ. Стрѣла пущенная Аполлономъ упала на краю свѣта: Тогда Зевсъ наполнилъ собой всю вселенную и спросилъ: куда же стрѣлять? „И поникъ головой златокудрый“ (Аполлонъ). Вдали будущаго что-то грозило богамъ свѣтлаго Олимпа, но это было что-то неясное и неопредѣленное и—главное—это что-то было далеко, далеко отъ свѣтлаго настоящаго.

Настоящее, дѣйствительно сущее принадлежитъ невидимому міру. Міру видимому принадлежитъ только кажущееся бытіе. „Въ немъ нѣтъ ни истиннаго счастья, ни долговѣчной красоты“. Такимъ образомъ, религію видимый міръ отрицается во имя міра невидимаго. Но такое отрицаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ утвержденіе допускается не одною религіею. На нихъ настаиваетъ и философія. Явленіямъ, имѣющимъ лишь призрачное бытіе, она противопоставляетъ сущности, имѣющія бытіе дѣйствительное, и въ познаніи послѣднихъ

она полагаетъ свою идеальную задачу. Кромѣ того во многихъ типахъ философскихъ системъ о видимомъ мірѣ утверждается, что онъ случаенъ по своему происхожденію (контингентенъ) и конеченъ по своему существованію, но что есть иное премирное самобытное и вѣчное бытіе, которое есть и причина себя и міра. Въ подобнымъ утвержденіяхъ философія сближается съ религіею, но здѣсь и кончается сходство между ними. (Между тѣмъ какъ философія ограничивается признаніемъ бытія невидимаго міра, религія настанавляетъ на возможности или даже необходимости имѣть общеніе съ этимъ міромъ. Философія до призыванія невидимаго міра доходитъ теоретическимъ путемъ, религія учитъ, что источникъ ея познанія есть опытъ. Религія говоритъ, что невидимыя высшія существа принимаютъ видимыя формы и являлись людямъ, что они являли людямъ свое могущество, осыпали ихъ своими благодѣяніями и вредили имъ. Высшія невидимыя силы одно любили а другое нѣтъ, одного желали, осуществленію другого противились, одинъ образъ поведенія людей одобряли, другой — осуждали. Такимъ образомъ, можно и привлечь къ себѣ ихъ благоволеніе, исполняя ихъ волю, и навлекать на себя ихъ гнѣвъ нарушеніемъ ихъ велѣній. Очевидно, задачею каждаго должно быть пріобрѣтеніе благоволенія высшихъ существъ. Выраженіе этого благоволенія состоитъ въ томъ, что тотъ, кто его оказываетъ, дѣлаетъ подобнымъ себѣ того, кому его оказываетъ. Мало благополучія на землѣ и мало силъ и средствъ у человѣка. Высшія существа могутъ сдѣлать жизнь человѣка необыкновенно (сверхъестественно) счастливою, могутъ чудеснымъ образомъ охранять его отъ бѣдъ и чудеснымъ образомъ подавать ему блага, могутъ сообщить ему необыкновенныя силы, необыкновенное долготѣіе. Естественный строй жизни, въ которомъ такъ много горя и такъ мало радостей, высшія существа могутъ преобразовать въ строй сверхъестественный, гдѣ все будетъ радость и счастье. Желаніе осуществленія этого идеальнаго строя заставляетъ религіознаго человѣка смотрѣть съ отрицаніемъ и осужденіемъ на существующій естественный порядокъ. Самое избавленіе отъ тяжелыхъ условий этого порядка можетъ быть мыслимо въ двухъ формахъ: или то, что этотъ міръ „ради избранныхъ“ будетъ преобразовываться

(отчасти или въ цѣломъ) по образцу міра невидимаго, или что избранные могутъ быть переселяемы изъ этого міра и становиться гражданами міра невидимаго. Аеина устроила благополучіе Одиссея на землѣ, Самасъ - Напистимъ былъ живымъ переселенъ къ богамъ. Но признавая бытіе невидимаго міра и взаимообщеніе между нимъ и міромъ видимымъ, религін вообще учатъ, что обитатели міра видимаго со временемъ станутъ обитателями міра невидимаго. Смерть разсматривается, какъ 'дверь, черезъ которую человѣкъ переступаетъ изъ одного міра въ другой. Въ этомъ новомъ мірѣ каждаго ожидаетъ та или иная судьба сообразно съ его дѣлами въ мірѣ старомъ. При такомъ возрѣніи, понятно, интересы настоящаго отрицаются во имя будущаго. >

Всѣ свои утвержденія и надежды религія основываетъ не на умозрѣніяхъ, не на логическихъ доводахъ, а на откровеніи. Описанія высшаго міра (невидимаго для обыкновенныхъ смертныхъ), блаженныхъ острововъ въ религіяхъ предлагаются или по свидѣтельству очевидцевъ, чудеснымъ образомъ попавшихъ въ міръ боговъ, или на основаніи видѣній и сообщеній боговъ. Способы взаимоотношенія между людьми и духами или богами опредѣляются также не соображеніями людей, а велѣніями высшихъ существъ. Если комета, наклонъ луннаго серпа къ горизонту указываютъ человѣку на то, что произойдетъ съ нимъ въ непосредственномъ будущемъ, то это устроено по волѣ боговъ, а не по желанію людей. Если богъ или духъ въ отвѣтъ на какія-либо заклинанія неизбѣжно приходятъ на зовъ, то это потому, что такой порядокъ установленъ свыше. Точно также не людьми измышлены правила, по которымъ можно вопрошать боговъ (въ гаданіяхъ). Все это обыкновеннымъ людямъ сообщили необыкновенные мудрецы, а послѣднихъ наставили боги. Правила, опредѣляющія отношенія человѣка къ высшимъ существамъ, къ себѣ равнымъ и низшимъ, законы поведенія и общежитія, все въ своей основѣ и въ своихъ принципахъ опредѣлено свыше.

Исторія знаетъ попытки философскимъ путемъ придти къ этой практической сторонѣ религін. Неоплатоническая философія представляетъ собою такую попытку, предпринятую умиравшимъ классическимъ міромъ. Плотинъ, Ямвлихъ и особенно Проклъ не ограничивались ученіемъ о высшемъ

мірѣ, но и дали правила, какъ вступать въ тѣснѣйшее единеніе съ Божествомъ (въ экстазѣ). Нѣкоторые средневѣковые арабскіе философы (Альгацали) повторили эту попытку. Но эти доктрины были и слишкомъ отвлеченны и слишкомъ произвольны, ихъ относительный успѣхъ обуславливался тѣмъ, что онѣ вступили въ союзъ съ положительными религіями (государственной греческой и исламомъ), и поскольку онѣ эмансипировались отъ этого союза, онѣ становились исключительно системами метафизическихъ спекуляцій. Съ другой стороны, въ исторіи возникали религіозныя ученія, котрыя пытались, если не совсѣмъ уничтожить, то радикально измѣнить практическую сторону религіи. Были попытки ограничить отношенія человѣка къ высшему міру исполненіемъ обязанностей по отношенію къ міру земному, опредѣленныхъ свыше. Такова доктрина Конфуція. Отъ боговъ должно держаться подальше; къ умершимъ предкамъ должно относиться такъ, какъ будто они существуютъ, не рѣшая однако вопроса — существуютъ ли они дѣйствительно? Не знаящимъ ничего о жизни нельзя разгадать тайны смерти. За такими сентенціями о небѣ слѣдовалъ рядъ правилъ добраго поведенія на землѣ. Подобнымъ, по въ другомъ родѣ является ученіе Будды (Шакіямуні). Должно уничтожить въ своей душѣ всякое желаніе, даже желаніе быть, и тогда человѣка не можетъ одолѣть никакой богъ и никакой демонъ. На томъ пути, по которому человѣкъ придетъ къ этой цѣли, ему не нужны помощь и содѣйствіе никакихъ высшихъ силъ. Такъ, Конфуціи — радости земной жизни и Будда — покою небытія хотѣли найдти, поступая по законамъ опредѣленнымъ свыше, но не прибѣгая къ помощи никакихъ высшихъ силъ. Это были попытки сохранить религію, перерѣзавъ ея жизненный нервъ. Онѣ не удались. Въ конфуціанствѣ и особенно въ буддизмѣ (которые въ Китаѣ иногда являются въ смѣшанномъ видѣ) обращеніе къ помощи высшихъ силъ теперь практикуется широко.

Возникаетъ вопросъ — изслѣдователю исторіи религіи можно ли оставить въ сторонѣ обсужденіе того: общеніе видимаго міра съ міромъ невидимымъ, утверждаемое религіями, есть ли фактъ или только обманчивая греза? На вопросъ такъ поставленный многіе отвѣчаютъ утвердительно образомъ.

Задача научнаго изслѣдованія, говорятъ, состоитъ въ томъ, чтобы выяснитъ генезисъ вѣрованій и культовъ, предостав- ляя совѣсти каждаго рѣшать по своему — есть ли что-ни- будь отвѣчающее этимъ вѣрованіямъ или нѣтъ? Съ этимъ взглядомъ нельзя согласиться. Идеальная задача научнаго изслѣдованія состоитъ въ выясненіи факторовъ, создающихъ явленіе, въ данномъ случаѣ—въ выясненіи факторовъ вѣ- рованій и культовъ. Магометъ имѣлъ видѣнія. Къ нему яв- лялся архангелъ Гавріиль и сообщалъ ему откровенія. Эти явленія будутъ имѣть въ нашихъ глазахъ совершенно раз- личный характеръ, смотря по тому, признаемъ ли мы ихъ галлюцинаціями или нѣтъ. И тѣ изслѣдователи, которые во- просъ о реальной основѣ вѣры предоставили совѣсти каж- даго, на самомъ дѣлѣ безповоротно въ большинствѣ слу- чаевъ рѣшили, что эта реальная основа есть заблужденіе. Три фактора выдвигаются преимущественно, какъ обуслов- ливающіе созданіе религій: стремленіе людей къ персонификаціи, чувство зависимости и стремленіе искать расположе- нія того, отъ чего зависишь. Стремленіе къ персонифи- каціи заставляетъ за физическими явленіями видѣть духов- ныхъ дѣятелей. Каждое явленіе человѣкъ разсматриваетъ, какъ слѣдствіе другаго, и по прекращеніи одного явленія ждетъ другаго. Человѣкъ думаетъ о будущемъ, и будущее своею неизвѣстностью страшитъ его. Факторами, которые со- здадутъ это будущее, человѣкъ считалъ одушевленныхъ существъ подобныхъ ему по своимъ свойствамъ, но гораздо болѣе могущественныхъ. Къ нимъ человѣкъ и сталъ обра- щать и свой страхъ и свое заискиваніе. Особенно чувство страха овладѣвало человѣкомъ въ случаѣ поразительныхъ и рѣдкихъ явленій и событій и особенно онъ усиливалъ свое заискиваніе, выражая его въ формѣ поклоненія, почи- танія, жертвъ, когда его постигала сильная нужда. Полу- чается, такимъ образомъ, что незнаніе причинъ, невѣжество рождаетъ страхъ, а страхъ рождаетъ боговъ. Насколько че- ловѣкъ можетъ объяснить явленіе изъ причины, настолько оно теряетъ для него свою ужасающую силу. Знаніе при- чины явленія даетъ возможность избѣгнуть его, предупре- дить, воспользоваться имъ, если оно благоприятно, или на- конецъ, сознательно уступить его силѣ. Въ такихъ слу- чаяхъ не предполагается дѣйствія сверхъестественныхъ фак-

торовъ, и чѣмъ болѣе расширяется кругъ человѣческихъ знаній, тѣмъ болѣе суживается та территория, въ области которой предполагается дѣйствіе Божества. Боги существуютъ лишь въ промежуткахъ и пробѣлахъ человѣческаго знанія. Стремленіе къ персонификаціи рисуетъ людямъ боговъ подобно съ условіями времени, мѣста, воспитанія, среды. Представленія эскимоса о богахъ такъ же отличаются отъ представленій индуса, какъ природа полярнаго сѣвера отличается отъ тропической Индіи. Каждый народъ считаетъ свои вѣрованія истиной, а вѣрованія другихъ суевѣріями. Но въ сущности всѣ религіи суть суевѣрія. Всѣ религіи естественны. Такова преобладающая точка зрѣнія въ изслѣдованіи религіи. Но эта точка зрѣнія не можетъ быть ни оправдана, ни проведена послѣдовательно. Говорятъ о тенденціи къ персонификаціи, но на самомъ дѣлѣ не только люди, а, пожалуй, и всѣ одушевленные существа рѣзко различаютъ живое отъ неживаго. Бесполезность системы огородныхъ пугалъ доказываетъ послѣднее. Даже тогда, когда неодушевленная вещь производитъ поразительныя явленія, животныя не одушевляютъ ее. Птица подлетитъ къ ружью, но спѣшитъ улетѣть отъ человѣка съ ружьемъ. Если одна мышъ попала въ ловушку, другую можно не скоро заманить туда. Не видно, чтобы эти другія стали считать ловушку одушевленнымъ существомъ: около ловушки онѣ ходятъ свободно. Въ ихъ поведеніи невидно мистическаго ужаса, оно совершенно похоже на то обыкновенное человѣческое благоразуміе, руководясь которымъ, никто не ставитъ головы подъ обухъ. И человѣкъ и животное могутъ смѣшать неживое съ живымъ, но все заставляетъ утверждать, что всѣ они считаютъ камни и деревья существами неодушевленными. У всѣхъ, далѣе, есть идея физическихъ причинъ. Свое неумѣнье объяснить явленіе и сверхъестественный характеръ явленій люди различаютъ. Откуда же идея сверхъестественнаго міра и твердая увѣренность въ его существованіи? Разъ существуетъ эта идея, сравнительно легко объяснять и различныя формы религіи и различныя типы суевѣрій, но вопросъ о происхожденіи религіозной идеи не можетъ быть оставленъ и лучше, конечно, сознаться въ неумѣннн его рѣшить, чѣмъ предлагать мнимыя и ошибочныя объясненія. Говорятъ о чувствѣ зависимости, какъ ре-

лигіозномъ факторѣ, но откуда это чувство зависимости отъ высшей силы? Незнаніе причинъ явленій и неумѣнье приспособиться къ средѣ создаютъ чувство безпомощности. Утопающій человѣкъ не олицетворяетъ воду, какъ злого духа, но чувствуетъ себя безпомощнымъ въ борьбѣ съ этой стихіей. Если древніе египтяне почитали божество Нила, то они его не отождествляли съ Ниломъ. Ниль былъ орудіемъ, черезъ которое божество посылало имъ благодѣянія или карало ихъ. Здѣсь была идея зависимости отъ высшей силы, управлявшей Ниломъ. Физическій міръ самъ по себѣ человѣкъ никогда не почиталъ, міръ представлялся ему стихійнымъ началомъ, дѣйствующимъ слѣпо и бессознательно, себя человѣкъ противопоставлялъ міру, какъ „мыслящій тростникъ“ Паскаля. Человѣкъ ничтоженъ предъ міромъ, но онъ понимаетъ свое ничтожество, а міръ не знаетъ о своей силѣ. Но рядомъ съ этимъ міромъ человѣкъ представляетъ себѣ другой міръ, который не только могуществененъ, но и мыслитъ лучше человѣка. Точка зрѣнія, согласно которой всѣ религіи естественны и представляютъ собою неправильное истолкованіе человѣкомъ своихъ стремленій и внѣшнихъ фактовъ, не объясняя основныхъ проблемъ религіи, не можетъ быть и проведена послѣдовательно. Религія освящаетъ цѣлый рядъ чувствъ—благоговѣнія передъ величіемъ высшихъ силъ, благодарности къ этимъ силамъ за ихъ благодѣянія, страха передъ возможностью своимъ поведеніемъ оскорбить ихъ и навлечь ихъ праведный гнѣвъ, затѣмъ религія утверждаетъ чувство собственнаго недостойнства—сознанія своего ничтожества и своей грѣховности, но съ другой стороны, связывая человѣка по происхожденію съ высшими силами, религія утверждаетъ его въ мысли, что онъ долженъ вести себя сообразно съ своимъ высокимъ происхожденіемъ. Признаніе всѣхъ религіи естественными всѣ эти религіозныя чувствованія должно разсматривать, какъ психопатологическія, и всѣ нормы, которыя диктуются религіями, какъ нѣчто совершенно случайное, не имѣющее Божественной санкціи. Все это должно быть признано не только не заслуживающимъ уваженія, но даже и ненормальнымъ. Между тѣмъ и люди, отрицающіе религію, не могутъ отказать въ уваженіи многимъ проявленіямъ религіознаго чувства. Честныя правила Конфуція, высокая мораль буддизма, за

бота о посмертномъ оправданіи египтянина, все это всѣмъ людямъ внушаетъ уваженіе и историки рационалисты въ большинствѣ случаевъ вовсе не безстрастно, а съ чувствомъ искренняго почтенія знакомятъ читателей съ этими проявленіями благороднаго подъема человѣческаго духа. Съ другой стороны, если всѣмъ этимъ движеніямъ человѣческаго сердца, этимъ смутнымъ порывамъ къ непостижному благу отказать въ правѣ на законное существованіе, то тогда равно должно будетъ отказать въ правѣ на существованіе всему тому, что считается добрымъ и хорошимъ на землѣ. Добро есть совокупность случайныхъ нормъ, которыхъ не было вчера и которая завтра смѣнится новыми: въ такомъ случаѣ рѣчь о служеніи добру должна звучать ироніей, а вѣра въ добро является суевѣріемъ. Истины не должно искать и бесполезно говорить объ уваженіи къ ней. Какъ чего-то объективно-высшаго, истины не существуетъ; какъ система законовъ вселенной, она не можетъ быть познана человѣчествомъ по недостатку времени, которымъ оно располагаетъ, и по недостатку духовныхъ силъ, которыя оно имѣетъ. Красота совершенно условна и не имѣетъ въ себѣ элементовъ объективности. Что-же остается? На какомъ базисѣ утвердится человѣчество, какими нормами оно будетъ регулировать свое поведеніе, какимъ идеаламъ станетъ служить оно, если отвергнуть мысль о религіи? У него ничего не останется кромѣ безнадежной мудрости послѣдовательнаго матеріализма. „Станемъ ѣсть и пить; ибо завтра умремъ“ (1 Коринѣ. XV, 32; ср. Ис. XXII, 13). Но предаться всецѣло служенію этой заповѣди можетъ животное, а не человѣкъ. Вотъ почему мы и говоримъ, что точка зрѣнія, отрицающая сверхъестественное (религіозное), не можетъ быть проведена послѣдовательно.

Но говорятъ всѣ религіи нельзя признавать сверхъестественными, почему же какой либо одной должно быть оказано предпочтеніе? Почему Амонъ—Ра и Балъ должны быть отвергнуты, а Иегова — признанъ? Многимъ это возраженіе представляется очень убѣдительнымъ и они, не желая обижать ни Амона, ни Брамю, ни Зевса, равно отвергаютъ всѣхъ. Не трудно вскрыть несостоятельность этого разсужденія. Изъ того, что существуетъ много теорій, истолковывающихъ какое либо физическое явленіе, не слѣдуетъ, что онѣ всѣ

истинны, или что онѣ всѣ ложны. Последнее можетъ быть, но можетъ быть также и то, что одна изъ нихъ истинна. Въ приведенномъ примѣрѣ мы имѣемъ истолковываемый фактъ (физическое явленіе) и истолкованія. Истолкованія явленія мы можемъ отрицать всѣ, но когда мы будемъ отрицать всѣ религіи, то мы, какъ было показано, наталкиваемся на цѣлый рядъ затрудненій, оказываемся принужденными противорѣчить самимъ себѣ на словахъ и на дѣлѣ и отрѣзываемъ себѣ путь къ пониманію вообще религіи. Какъ мы можемъ объяснить существованіе поддѣльныхъ перстней, если нѣтъ и не было истиннаго? Фальшивыя монеты представляютъ собою только поддѣлку подъ настоящую. Должна существовать настоящая. Если существуютъ ложныя религіи, то должна существовать и истинная. Происхожденіе первыхъ также легко понять съ этой точки зрѣнія, какъ происхожденіе фальшивыхъ монетъ. Легче сдѣлать фальшивую монету, чѣмъ заработать подлинную. Такъ и въ области религіи. Легче, чѣмъ исполнять заповѣди возвѣщенныхъ свыше, замѣнить ихъ своими—самостоятельными; легче, чѣмъ ждать дѣйствительнаго знаменія съ неба, успокоить себя предположеніемъ, что пролетѣвшая птица дала уже благоприятное знаменіе. Различіе заключается только въ томъ, что фальшивыя монеты дѣлаются сознательно, а ложныя (естественныя) религіи создаются безсознательно.

Въ ниже предлагаемомъ изслѣдованіи будетъ рѣчь только о естественныхъ религіяхъ. Религія Ветхаго и Новаго завета, какъ откровенная и, слѣдовательно, сверхъестественная, выдѣляется нами. Это выдѣленіе многіе рассматриваютъ, какъ антинаучное и несостоятельное. Нельзя согласиться съ этими многими. Какъ бы не искажали, какія бы фантастическія черты не приписывали первоюудейству и первохристіанству, они всегда будутъ оставаться безусловно противоположными въ своемъ существѣ другимъ религіямъ. Еврейскій монотеизмъ, къ какой бы поздней эрѣ не относили его начало, и искупленіе человѣчества Богочеловѣкомъ, этнографическое единство и нравственная солидарность человѣчества, это—такія положенія, которыхъ не знаетъ ни одна религія, кромѣ Библейской, и поэтому естественно и законно религію въ своемъ существѣ отличающуюся отъ другихъ рассматривать особо. И намъ представляется несом-

нѣннымъ, что попытки смѣшать религію Вѣтхаго и Новаго завѣта съ другими религіями въ общемъ курсѣ доселѣ являются крайне неудачными. Не у всѣхъ историковъ хватаетъ рѣшительности довести дѣло до конца. Такъ Шаптели де ла Соссеѣ во второмъ изданіи своей исторіи религіи ввелъ статью объ израильтянахъ, но почему то однако не сталъ трактовать о христіанствѣ. Болѣе смѣлые и менѣе свѣдущіе писатели, наприм., Мевнеръ попытались израильскую и христіанскую религію представить, какъ заслуживающія столько же вниманія, сколько и другія религіи. Но для того, чтобы привести эти религіи до уровня финикійскихъ или египетскихъ верованій, во 1) нужны доказательства, во 2) нужно забыть то, что мы знаемъ объ израильтянахъ и христіанствѣ, такъ какъ мы знаемъ о нихъ несравненно больше, чѣмъ о всѣхъ прочихъ религіяхъ вмѣстѣ. Въ каждой странѣ дѣти изучаютъ исторію своей страны особо отъ общей исторіи, и все понимаютъ, что это разумно и законно. Какимъ же образомъ христіанскій міръ можетъ признать неразумнымъ и незаконнымъ особое и преимущественное наученіе христіанства—того пачала, на которомъ утверждалось правдивое воспитаніе предковъ теперешняго культурнаго міра. Исторія должна оказывать больше вниманія болѣе важнымъ историческимъ факторамъ. Но конечно ни религія инковъ, ни религія ассириянъ и египтянъ не могутъ явиться въ глазахъ историковъ такимъ могущественнымъ рычагомъ, изученіе дѣйствія котораго могло бы освѣтить европейскую исторію. Могучее вліяніе Библии на европейскіе умы безспорно. О существованіи египетской „книги мертвыхъ“ европейцы узнали очень недавно, и это новое знаніе пока ничего не прибавило къ пониманію хода судебъ въ исторіи культурнаго міра. Мы полагаемъ, что выдѣленіе ветхозавѣтной и новозавѣтной религіи изъ общей исторіи религіи въ особый предметъ есть не только потребность христіанской религіозной вѣры, но есть и научное требованіе, согласно которому болѣе крупныя и важныя явленія должны быть предметомъ особеннаго вниманія.

Элементы откровенной религіи несомнѣнно проникали въ религіи естественныя. Нѣкоторые изслѣдователи даже склонны все естественныя религіи разсматривать, какъ постепенныя уклоненія отъ истинной, при чемъ обыкновенно пытаются